

В ПОИСКАХ «ПОТЕРЯННЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ»: МОЖНО ЛИ ИЗБЕЖАТЬ УПАДКА ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ? (компаративистский подход)

Африка и Латинская Америка получили независимость от европейского колониального господства с разницей в полтора столетия: латиноамериканцы — в 1810–1820-е гг., африканцы — в 1950–1970-е гг. Вслед за завоеванием независимости в каждом из этих двух регионов последовали политическая нестабильность, жестокие конфликты и экономический спад, продолжавшиеся около полувека после освобождения. Для этого периода в истории постколониальных стран американские историки-экономисты Роберт Бейтс, Джон Коатсворс и Джеффри Уилльямсон из Гарвардского университета недавно предложили очень меткий термин — «потерянные десятилетия»*. Параллели между пост-колониальной Африкой и Латинской Америкой указывают на возможность их сравнения и выявления сходных причин этих «потерянных десятилетий».

В своем исследовании американские историки-экономисты попытались выявить экономические и политические причины возникновения этого «провала» после обретения независимости. Их исследование в некоторых отношениях близко к парадигме мир-системного анализа: авторы подчеркивают важность внешней среды для национального развития, системно анализируют политические, социальные и экономические процессы. Однако по своим ценностям американские исследователи принадлежат к либералам, поскольку акцентируют внимание на необходимости минимизировать государственное регулирование. Работа Бейтса, Коатсворса и Уилльямсона является важным источником для понимания тех факторов, от которых зависит безопасность социально-экономического развития отстающих стран (включая и Россию).

Рассмотрим ход мыслей американских историков.

---

* Bates R.H., Coatsworth J.H., Williamson J.G. Lost Decades: Lessons from Post-Independence Latin America for Today's Africa (2006) // <http://www.economics.harvard.edu/faculty/jwilliam/papers/LostDecades.pdf>. Ниже дано краткое изложение работы американских историков-экономистов, дополненное материалами автора реферата.

Правление метрополий и внутренние противоречия колоний

Американские историки полагают, что истоки постколониальных кризисов следует искать, прежде всего, в некоторых институциональных особенностях эпохи колониального господства.

Такой подход может показаться странным. Ведь если эпоха «потерянных десятилетий» характеризовалась постоянными гражданскими волнениями и межнациональными столкновениями, то в период колониального правления Латинская Америка вообще практически не становилась ареной конфликтов. Колониальная оккупация Африки также происходила относительно мирно, несмотря на агрессивный национализм, который способствовал разделению континента между европейскими странами. Дипломатия, а не военные действия определяли их взаимоотношения в период колониального раздела Африки, и результатом этого стало отсутствие крупных конфликтов.

Колониализм во многом способствовал экономической интеграции колоний и метрополии, которые были связаны между собой крепкими торговыми связями. Это особенно заметно на примере колониальной Африки. Здесь на территории под колониальным контролем Франции сформировалась зона денежного обращения франка; фунт стерлинга стал общим денежным стандартом для британских колоний. В Центральной Африке поддерживалась зона свободной торговли; в Южной Африке была создана зона общих тарифов. Великобритания способствовала созданию общего рынка на территории Уганды, Кении, Танзании и Восточной Африки, а также экономической интеграции Северной и Южной Родезии и Малави в Центральную Африку.

В американских колониях Испании и Португалии XVI–XVIII вв., конечно, экономическое развитие происходило во многом иначе, чем в африканских колониях Великобритании, Франции, Португалии и Германии XIX–XX вв. В частности, монополия на торговлю между колониями в Латинской Америке принадлежала исключительно купцам метрополии.

Главное в том, что и в Южной Америке, и в Африке экономические связи оказались принудительно созданными под давлением сверху и воспроизводились только под властью империй.

Поэтому разрушение этих связей с получением независимости было достаточно предсказуемо.

Колониализм Испании и Португалии сопровождался интенсивным притоком европейских поселенцев в колонии. Особенно актуально это было для Латинской Америки, где за столетие после плавания Колумба население уменьшилось с 50 до 3 миллионов из-за эпидемий болезней. Демографический коллапс уничтожил традиционную структуру власти, способствовал религиозной и культурной ассимиляции туземцев. Уменьшение туземного населения повлекло за собой рост среднедушевого дохода, поскольку выжившие получили возможность селиться в самых плодородных регионах. Однако к тому моменту, когда туземное население начало расти, большая его часть уже находилась под гнетом испанских и португальских поселенцев.

Нечто похожее было и в Африке XIX–начала XX вв., где эксплуатация местного населения велась даже более грубыми методами. Поселенцы в Африке проводили откровенно репрессивную политику по отношению к местным жителям, силой захватывая их земли и изгоняя туземное население в резервации. В Латинской Америке XVI–XVII вв. ситуация складывалась иначе: в этом регионе метрополии сильно ограничивали принудительный труд туземного населения с начала 1600-х гг. (кроме горных шахт в Перу) и пытались защищать права собственности местного населения. Однако в обоих регионах, в Южной Америке и в Африке, коренное население принудительно втягивалось в рынок труда, где нужно было зарабатывать деньги, чтобы платить налоги в казну.

Следует отметить отсутствие в колониях собственных военных сил. Имперские войска считались достаточными для поддержания порядка в колониях. Испания и Португалия специально не создавали профессионального ополчения в американских колониях, а потому могли успешно удерживать европейских поселенцев от сепаратистских восстаний против империи. Уже в постколониальный период отсутствие традиций самообороны привело к слабости стран региона перед угрозой внешних вторжений, чем не преминули воспользоваться США и европейские страны.

Итак, основной характеристикой колониального режима являлось насилие. Что можно ожидать от институтов, которые

были созданы силой, когда сила, на которой они держались, исчезает? Очевидно, что после завоевания независимости европейские поселенцы уже в принципе не могли воспроизводить принуждение туземцев настолько эффективно, как это раньше делала метрополия. Отсюда — возросший уровень гражданских конфликтов в Латинской Америке после 1820-х гг., рост восстаний черного большинства в Африке с 1960-х гг.

Независимость — благо или наказание?

Несмотря на внутренние противоречия колониального режима, основными факторами получения независимости оказались внешние потрясения, ослабившие метрополии. Так, наполеоновские войны подорвали могущество Испании и Португалии, а Вторая мировая война привела к серьезным потрясениям для Франции и Великобритании.

В связи с ослаблением метрополий активизировались и «сепаратистские» движения в колониях. Так, в испанской Латинской Америке на конец 1800-х гг. пришлось сразу несколько крупных восстаний — восстание Идальго в Мексике, волнения в странах Анд, восстание в Венесуэле под предводительством Боливар. В это время колониальные элиты осознали, что они не могут больше полагаться на метрополии для своей защиты. Важным фактором активизации их активности стало возобновление либеральных реформ в Испании, которые угрожали их привилегиям и установившемуся укладу жизни. Элитам было необходимо взять власть в свои руки для сохранения власти и для противодействия внутренним изменениям — требованиям ликвидации рабства, отказу коренного населения от уплаты налогов, требованиям права голоса со стороны малоимущих.

Так же как и в Латинской Америке, ослабление имперских сил оказалось сильным катализатором для активации внутренних движений протеста в Африке 1950-х гг. Финансово истощенные издержками войны и постоянно находящиеся в боевой готовности из-за антиимпериалистических восстаний в колониях, империи с неохотой, но неуклонно уступали власть местным политикам. Так, во французских колониях африканские избиратели получили право избирать представителей в парламент Франции. В английской Африке сначала Великобритания прямо назначала

местных политиков на законодательные посты; со временем они начали занимать эти посты через процедуру выборов.

Особенностью эпохи упадка имперского правления в Африке середины XX в. было то, что «имперское политическое отступление» сопровождалось усилением экономических инвестиций. Европейские страны после Второй мировой войны, были ослаблены огромными долгами и нехваткой капитала (только Португалия вышла из войны относительно невредимой). В результате эти страны стали рассматривать свою империалистическую политику как важную часть национальной экономической политики. Для Франции это означало поддержку протекционизма: например, вместо импорта какао и кофе из Латинской Америки Франция стимулировала их производство в своих африканских колониях. В африканских колониях Великобритании и Бельгии тоже стимулировалось увеличение производства товаров на экспорт. Ведь после войны спрос на товары из Африки заметно возрос, возросла и прибыль от колониальной торговли. Эта прибыль направлялась в метрополию, где использовалась для выплаты военных долгов. Активизация экономической деятельности наблюдалась и в португальских колониях, хотя Португалия и не испытывала после Второй мировой войны особых финансовых трудностей.

Получив независимость, африканские государства будут также проводить протекционистскую политику. Однако эта политика не принесет успех, а скорее разрушит существующие внутриэкономические связи в Африке и будет одной из причин экономического спада. Дело в том, что эксколонии, по сути, унаследовали методы своего управления от метрополий, однако, утратив свое место в единой системе, они не смогли быстро адаптироваться к своей новой роли. Кроме того, наследием колониализма явилась не просто аграрная, а зачастую монокультурная экономика, что также не способствовало интенсивному развитию, когда экстенсивные способы оказались исчерпаны. Правление метрополий характеризовалось изменением структуры экономики в пользу уменьшения ее дифференциации, а как следствие — увеличением ее зависимости от экономических связей с центром. После обретения независимости эти связи были во многом утеряны, а колониальная структура экономики оказалась не в состоянии обеспечить все нужды населения.

С крахом империй исчезла и защита от внешних вторжений и внутренних бунтов. Едва завоевав независимость, страны Латинской Америки стали жертвами многочисленных внешних вторжений. Испания делала серьезные попытки вернуть колонии под свое владычество до 1830-х гг. Впоследствии Великобритания, Франция, Испания, Соединенные Штаты и другие «сильные» государства не раз устанавливали блокады или высаживали войска для приобретения каких-либо экономических и военных преимуществ, либо для защиты своих внешних рынков. Элиты во многих бывших колониях поддерживали эти вторжения. Именно так было, например, во время англо-франко-испанской интервенции 1861–1867 гг. в Мексику, поводом для которой стал объявленный мексиканским правительством мораторий на платежи по внешним займам. Поскольку президент Мексики Бенито Хуарес начал проводить довольно радикальные реформы (например, национализировал церковное имущество), интервенты на первых порах пользовались поддержкой местных консерваторов. Европейцы попытались создать в Мексике марионеточное королевство Максимилиана Габсбурга, но мексиканским патриотам удалось, объединившись вокруг Хуареса, все же изгнать захватчиков.

Помимо отражения агрессии европейских государств, недавно освободившиеся страны Южной Америки вели ожесточенные войны и друг с другом. Политические элиты часто пытались, по опыту Европы, приглушить внутренние проблемы борьбой с внешним врагом. Этому способствовали неурегулированность границ и наличие в пограничных зонах ценных полезных ископаемых, становящихся объектом силового противоборства (как это было, например, во время Селитряной войны 1879–1884 гг., которую Перу вела против Боливии и Чили). Латиноамериканские войны XIX в. мало известны, поскольку протекали «на задворках цивилизации», хотя по своим масштабам они сопоставимы с войнами европейских стран. Так, Парагвайская война 1864–1870 гг. (Бразилия, Уругвай и Аргентина против Парагвая) уничтожила почти все взрослое население Парагвая, а общие потери всех воюющих стран составили примерно 1,3 млн чел. Конфликты обходились очень дорого: в 1822–1860 гг. военные расходы составляли около 77% от суммарного бюджета всех стран Латинской Америки, что, конечно, незамедлительно сказалось на экономическом росте.

Американские историки-экономисты приводят интересные количественные данные о динамике внутренних и внешних конфликтов в Латинской Америке в течение «потерянных десятилетий» — от завоевания Испании Наполеоном в 1808 г., что спровоцировало начало освободительного движения в Южной Америке, и до начала периода относительной стабильности в 1870-х гг. (табл. 1). В период 1820–1870-х гг., когда Латинская Америка стала ареной жестоких конфликтов, от насильственной смерти здесь погибало в среднем 1,6 чел. на тысячу населения — в 3,7 раза выше, чем в Западной Европе того времени.

Таблица 1
Военные конфликты в странах Латинской Америки
в 1800–1870-е гг.

Год	Количество конфликтов		Погибшие в конфликтах, тыс. чел.*	
	Внешние	Внутренние	Внешние	Внутренние
1800–09	0	0	0	0
1810–19	4	0	474	0
1820–29	7	4	307	0
1830–39	5	7	3	6
1840–49	3	8	18	130
1850–59	2	13	1	219
1860–69	5	10	332	25
1870–79	4	6	14	5

* Видимо, в таблице указаны только погибшие непосредственно во время боевых столкновений, без учета жертв политических репрессий.

Постколониальная Африка также пережила большое количество иностранных вторжений. Избегая «горячей войны» на европейских равнинах, Советский Союз и Соединенные Штаты в годы «холодной войны» активно мерялись силами на территориях развивающихся стран. Война распространилась на Конго, страны Африканского Рога. Наиболее тяжелый конфликт развернулся в Южной Африке. Еще до того как в 1975 г. Португалия предоставила Анголе полную независимость, в этой стране начались военные конфликты между разными национально-освободительными организациями — прежде всего между прокоммунистическим Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) и Национальным союзом за полную независимость

Анголы (УНИТА). Если МПЛА опиралась на помощь СССР и Кубы, то антимарксистская УНИТА — на помощь ЮАР, Китая и США. В ходе ожесточенной 13-летней гражданской войны между МПЛА и УНИТА на территории Анголы воевали и войска ЮАР, и кубинский военный контингент. В ходе этого конфликта из 11-миллионного населения страны 1 млн чел. погибли, около 2 млн лишились крова и переселились в другие районы страны или эмигрировали за рубеж. Лишь к концу 1990-х гг. напряженность этого конфликта стала спадать: МПЛА сохранила власть и добилась официального признания на Западе, но УНИТА продолжала удерживать некоторые районы Анголы.

В целом для стран постколониальной Африки наиболее типичной формой военных конфликтов стала борьба черного большинства против власти белого меньшинства (потомков европейских колонистов), чьи режимы широко поддерживались внешними силами. Поскольку после приобретения независимости эта поддержка ослабевала, многие африканские государства буквально взрывались изнутри после обретения независимости. В Африке в 1950–1973 гг. насильственные смерти уносили 2,4 чел. из тысячи населения, что было в 6,4 раза выше, чем в странах OECD.

В обоих регионах высокий уровень насилия, политическая нестабильность, экономическая балканизация и стратегии, не способствующие торговле, тормозили экономический рост и снизили производительность ниже и так достаточно низкого уровня, характерного для колониальных режимов. В период потерянных десятилетий в Латинской Америке рост дохода на душу населения составлял всего 0,07% в год, в то время как в этот же период в Европе он составлял 1% в год. Это свидетельствует о сильнейшем отставании Латинской Америки от стран ядра мир-системы. Схожая ситуация наблюдалась и в постколониальной Африке, где рост дохода на душу населения в 1950–1992 гг. был 0,89% в год, в то время как европейский индустриальный «центр» рос более чем в 3 раза быстрее.

Для сравнения американские историки приводят таблицу, где сопоставляются уровень ВВП на душу населения и темпы прироста данного показателя для Латинской Америки и Африки по отношению к развитым странам.

Таблица 2

Сравнение экономического развития постколониальных стран с развитыми странами

	Латинская Америка, 1820–1870 гг.	Латинская Америка по сравнению с Западной Европой	Африка, 1950–1992 гг.	Африка по сравнению с ОЭСР
ВВП на душу населения	751 дол.*	0,44	1,099 дол.*	0,1
Среднегодовой рост ВВП на душу населения	0,07%	0,07	0,89%	0,31

* В ценах 1990 г.

Очевидно, что главными причинами отставания и слабого роста эксконий были насилие и нестабильность. Перед лицом политической нестабильности, неуверенности по поводу соблюдения прав собственности и возможного насилия, индивиды были склонны обладать как можно более мобильными и ликвидными формами капитала, а не инвестициями или землей. Одновременно со снижением инвестиций в новый капитал в ходе конфликтов уничтожался старый капитал. Снижение спроса на капитал и смещение от недвижимых активов к ликвидным способствовали бегству капитала. Хотя африканские страны страдают от нехватки капиталов, в 1980 г., по некоторым оценкам, около 40% частного богатства африканцев было вывезено за рубеж, главным образом в оффшоры¹.

Есть оценки по данным о 43-х африканских странах за 1960–1996 гг., согласно которым гражданские войны вели в сравнении с альтернативно возможным к сокращению среднегодовых темпов прироста среднедушевого национального дохода более чем на 4%². В другом исследовании, где прослеживались более долгосрочные эффекты, было обнаружено, что в течение 5 лет после окончания гражданской войны наблюдалось снижение среднегодовых темпов прироста экономики на 2,1%³. Интересно, что эта цифра приблизительно равна разнице в течение «потерянных десятилетий» между темпами прироста дохода на душу населения в Африке по сравнению с остальным миром.

Таким образом, конфликты и нестабильность одновременно уничтожали основу текущего экономического роста и способствовали его снижению в будущем. Даже после распада СССР более 50% всех гражданских конфликтов приходилось на африканский континент. Это ограничивает приток капитала и делает Африку самым рискованным континентом для инвесторов.

Постколониальная экономика

Однако не только насилие и конфликты были причиной столь затяжного спада в обоих регионах.

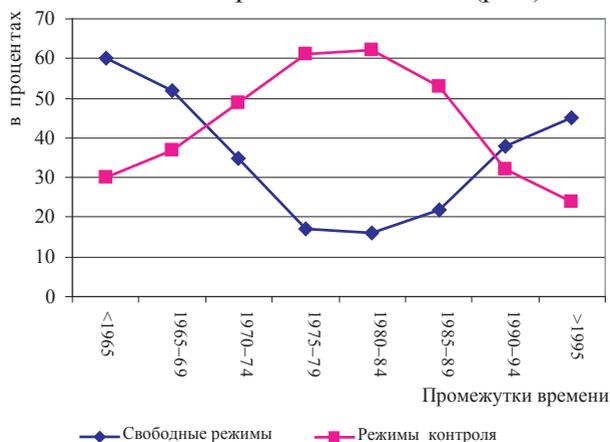
Как уже было отмечено, колонии унаследовали от метрополий не комплексную структуру экономики и протекционистскую политику. В Латинской Америке протекционизм в государственном управлении был вызван фискальной необходимостью — поиску доходов ради удовлетворения военных нужд. Эта политика характеризовалась экономической балканизацией. Каждая страна несла потери из-за от уменьшения экономии от масштаба и уменьшения торговли между бывшими колониями.

Для постколониальной Африки была характерна еще большая балканизация. В 1960 г. французские колонии выбрали самоуправление и выход из федерации. Несмотря на то, что они оставались в зоне денежного обращения французской валюты, каждая из новых стран теперь могла устанавливать тарифы, регулировать торговлю и предоставлять услуги по транспортировке, исходя из собственной сферы полномочий, а не руководствуясь интересами международных рынков. Каждая из новоявленных стран немедленно выпустила свою собственную денежную единицу. Многие из них стали проводить промышленную политику, направленную на замещение импорта, с целью развития местного фабричного производства, несмотря на малый размер внутренних рынков. Вдобавок, новые правительства одобрили меры по фрагментации транспортных сетей.

Новые правительства нуждались в дополнительных доходах на ведение войн, поэтому налоговые ставки в этих регионах оказались одними из самых высоких в мире. Уровень тарифов и таможенных пошлин был также очень высок. В 1860-е гг. страны Латинской Америки демонстрировали самые высокие налоговые ставки в мире (не считая США). В 1870 г. средний уровень таможенных ставок в странах Латинской Америке составлял 24% —

более чем в 4 раза выше, чем в странах европейского «ядра», у которых тарифы не достигали и 6%. В современную эпоху, когда нетарифные барьеры являются более эффективными в ограничении торговли, средний уровень таможенных ставок в странах Африки в 1971–1999 гг. составлял около 15%, что более чем в 30 раз превышает ставки в европейских странах OECD (менее 0,5%). Активная анти-торговая политика стала причиной, почему Латинская Америка не включалась в бум мировой торговли до наступления *belle époque* и почему Африка не воспользовалась мировым торговым бумом, который начался в 1950-х.

Итак, кроме насилия, одной из причин слабого экономического роста и отставания от стран ядра оказалась анти-рыночная политика бывших колоний. Большая часть постколониальных африканских правительств установили на своей территории так называемые «режимы контроля» (control regimes), для которых характерны различные наборы анти-рыночных мер. Наиболее примечательные из них — это тенденция к автаркии; государственное регулирование, финансирование и поддержка промышленности; широко распространенное вмешательство правительства в рыночные механизмы. Пик распространенности «режимов контроля» в Африке пришелся на вторую половину 1970-х–первую половину 1980-х гг., затем они стали вытесняться «свободными режимами», ориентированными на либеральные ценности (рис.).

Динамика доли «режимов контроля» и «свободных режимов» на африканском континенте в 1960–1990-е гг., %.

Что способствовало изменению порочного равновесия?

Постколониальное насилие и экономический спад в Африке и в Латинской Америке в конце концов подорвали веру в экономические стратегии консерватизма (на большей части Латинской Америки) и социализма или иного идеологизированного правительственного регулирования (в Африке).

Когда насилие подорвало многие из ключевых институтов колониального правления, то в странах Латинской Америки начались либеральные реформы. Кульминация реформ прав собственности пришлось на вторую половину XIX в., когда были приняты новые кодексы гражданского и торгового права.

Результатом этих институциональных изменений явилось освобождение экономической активности от обременительного колониального наследия. В этом смысле гражданские войны и международные военные конфликты в десятилетия после обретения независимости имели модернизирующее влияние. Они подорвали и сделали невозможным существование как частных привилегий проевропейских элит, санкционированных государством, так и огромного числа внутренних налогов, форм регулирования и монополий колониального режима. Латинская Америка начала дрейфовать к либерализму задолго до того, как он стал официальной идеологией.

Экономический спад подорвал авторитарные экономические стратегии и привел в действие либерализацию экономической политики и в странах Африки. Правительства, переоценившие свою национальную валюту, подрывали экспорт и создавали стимулы к развитию контрабанды. Поскольку налоги на торговлю составляли большую часть государственных доходов, то государственные доходы, соответственно, сильно упали. Вдобавок, правительства, слишком сильно регулирующие производство и ценообразование, создавали стимулы к смещению экономической активности в неформальный сектор экономики, не облагающийся налогами (согласно концепции «порочного круга нелегальности» Э. де Сото).

Ни иберийские колонисты эпохи нового времени в Южной Америке, ни европейские империалисты начала прошлого века в Африке не стремились создать социальную базу для динамизма колониальной экономики. Смещение к либерализму в Латинской Америке заняло не одно десятилетие по двум

причинам — из-за сопротивления постколониальной элиты, обладающей политической властью, а также из-за относительной слабости либерального движения, которое стремилось сместить старые элиты. Колониальные ограничения экономической активности затрудняли развитие класса предпринимателей до того уровня, по достижении которого они смогли бы противостоять доминированию старых полуфеодалных элит.

В Африке задержка экономических реформ, как указывают американские историки, может быть объяснена силой установившегося *порочного равновесия*, когда ключевые «игроки» понимали негативные последствия неподходящих мер, однако не могли односторонне отвергнуть свою приверженность им. Меры регулирования сельского хозяйства — яркий тому пример. Через контроль розничных цен, введение монополистических (когда есть лишь один покупатель — правительство) закупок и открытие внутренних рынков для импортных товаров (которые могли быть куплены за переоцененную национальную валюту) национальные правительства стран Африки стремились обеспечить городских потребителей дешевой едой. Эти меры увеличивали реальный доход городских рабочих при относительно низкой их зарплате и поддерживали высокий уровень прибыли в промышленном секторе. Однако меры, направленные на улучшение жизни в городах, уменьшали прибыльность сельского хозяйства (основной сектор большинства африканских экономик), что неизбежно приводило к дефицитам и высоким ценам, а также уменьшало темпы экономического роста, подрывая легитимность национальных правительств.

Хотя эти меры наносили вред африканским государствам, они, тем не менее, продолжали применяться. Ни один профсоюзный лидер не мог себе позволить выступить за их отмену. Ни один политик не мог способствовать принятию мер, которые увеличили бы стоимость жизни горожан. В результате эта порочная политика не отменялась, подрывая экономическое благополучие государств, которые ее проводили.

Конец «потерянных десятилетий» и их уроки

«Потерянные десятилетия» длились в обоих регионах примерно 50 лет. С начала 1870-х гг. в Латинской Америке началась *belle époque*, которая характеризовалась высокими средними темпами

экономического прироста (примерно 1,8% в 1870–1913 гг.) и даже сокращением отставания от стран «ядра». К началу XXI в. большинство вооруженных конфликтов в Африке либо завершились, либо ослабли. Продолжается противостояние Сомали и Эритреи на Африканском Роге, но войны в Южной Африке подошли к концу. В то время как Чад, Кот-д’Ивуар, Эфиопия, Сомали, Судан и Зимбабве все еще разрываются гражданскими войнами, четырнадцать других стран уже вышли из этого списка — Ангола, Бенин, Джибути, Кения, Либерия, Мали, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Уганда и Конго. Многие из них (особенно Конго и Нигерия) находятся в состоянии хрупкого мира, однако в них, по крайней мере, остановлены вооруженные конфликты. Рост спроса на сырье со стороны растущих азиатских экономик способствовал восстановлению экономического роста африканских стран. Наметились здоровые перемены не только в структуре экономике, но и во внутривнутриполитическом устройстве: к 1995 г. в Африке на 70% территории превалировала многопартийная политическая система. Самое главное, правительства многих стран стали проводить более либеральную экономическую политику.

Итак, чем же, по сути, являлись «потерянные десятилетия»? Попробуем оценить исследование американских историков с российской точки зрения. Ведь проблема взаимоотношений метрополии и доминионов во многом повторяется на постсоветском пространстве, в силу чего она имеет для россиян особый интерес.

На наш взгляд, «потерянные десятилетия» следует трактовать как время, когда бывшие колонии методом проб и ошибок учились быть самостоятельными и пытались очиститься от порочного колониального наследия. Этот процесс занял долгое время из-за целого комплекса факторов. Основной причиной столь затяжной полувековой адаптации к новой роли, видимо, следует считать остаточный колониальный менталитет. И это даже не столько вина колоний, сколько, скорее, следствие имперской политики метрополий.

Европейские державы эксплуатировали колонии, пока это было возможно, и освободили их, когда обладание колониями стало приносить больше проблем, чем выгод. Вероятно, метрополиям следовало проявить больше ответственности по отношению к своим «младшим братьям» и сохранить за собой роль арбитра,

который не допускал бы кровопролитных войн и давал советы по поводу экономического развития. Метрополии еще и потому ответственны за последующее развитие своих колоний, поскольку многие институты колониальных обществ насаждались сверху и воспроизводились под влиянием внешней силы. Тот общественный взрыв, который произошел, когда этой силы не стало, является прямым следствием неподготовленности процесса получения независимости колониальными странами. Структура экономики, направленная на максимизацию выгод метрополии, не могла обеспечивать все запросы местного населения, и жизнеспособность монокультурных национальных экономик еще долго зависела от торговых связей с бывшей метрополией.

Однако не стоит преуменьшать и вину самих колоний в насилии и в слабом экономическом росте. Неэффективное управление существующими активами, постоянные конфликты и анти-рыночная политика были во многом вызваны недальновидной политикой постколониальных правительств. До обретения независимости конфликты между метрополиями за колониальные земли решались дипломатическим путем; следовательно, постколониальные правительства также имели возможность удержать противостояние в дипломатической сфере. Однако борьба за власть между постколониальными элитами повлекла разрушительные войны и чрезмерную централизацию экономики ради военных нужд, что подорвало потенциал для экономического роста.

Развитие колоний после обретения независимости чем-то напоминало реализацию лозунга российских нигилистов. Старый мир был разрушен почти до основания, а на его развалинах началось строительство «светлого будущего». Конечно, в этом разрушении были свои положительные черты (очищение от колониального наследия). Однако полвека войн и застоя — не слишком ли это высокая цена за независимость?

Анализ провалов постколониального развития заставляет серьезно переосмыслить оценки борьбы за национальную независимость. В нашем сознании продолжают во многом доминировать априори позитивные оценки борьбы за независимость, кто бы ее не вел, с какими целями и какими методами. Именно этой индугльгенцией борцам за независимость объясняется во многом сочувственное отношение российских интеллектуалов

даже к чеченским сепаратистам, которые-де вели «справедливую борьбу с русскими колонизаторами». Лишь в 2000-е гг. стал рождаться новый дискурс осмысления борьбы за национальную независимость, которая слишком часто выливается в борьбу новой «туземной» элиты со старой «колониальной» элитой совершенно безотносительно к интересам коренного населения.

Анализируя развитие постколониальной Южной Америки и Африки, невольно задаешься вопросом, не было бы намного эффективнее и с меньшими бедствиями изменение старого политического и экономического устройства без его полного разрушения. Проводить про-рыночные и правовые реформы следовало не в ослабленных гиперцентрализованных государствах конца «потерянных десятилетий», а предпринимать попытки с первых же лет обретения независимости. Также было необходимо и в принципе возможно решать конфликты дипломатическими методами и не допускать установление режимов правления меньшинства. Помощь в осуществлении реформ и в сохранении мира могли бы взять на себя метрополии. Однако, ввиду исторических обстоятельств, уход империалистов из колоний часто осуществлялся резко и практически без подготовки базы для дальнейшего самостоятельного развития колоний. В тех случаях, когда эксметрополии пытались помогать своим бывшим колониям, эта «помощь» слишком часто имела корыстную подоплеку и только разжигала конфликты, как это было, например, во время «миротворческой интервенции» Бельгии в Конго в 1964 г.

Если сравнивать обретение независимости странами «третьего мира» с опытом США, которые тоже были когда-то колонией и прошли через Войну за независимость, то спецификой Соединенных Штатов было то, что колония изначально четко видела выгоды и издержки обретения независимости. США по своему внутреннему политическому и экономическому устройству еще до Войны за независимость уже не были колонией, и обретение независимости оказалось лишь последним шагом в обретении суверенитета. Колонии в Латинской Америке и в Африке оказались, как теперь очевидно, не совсем готовы (а некоторые из них — даже совсем не готовы) к независимости. Те ошибки, которые они допустили, были, вероятно, прямым следствием некоторой *преждевременности обретения суверенитета*.

Из опыта Латинской Америки и Африки можно извлечь следующую основную рекомендацию для государств, обретающих независимость: необходимо, прежде всего, убедиться в своевременности этого процесса и в зрелости собственной политической и экономической системы. Если же процесс освобождения инициирован извне, то полезно обратиться за помощью и советом либо к международным организациям, либо даже к своей прежней метрополии во избежание конфликтов и экономического коллапса. Не следует разрушать старую систему только потому, что она старая, лучше ее перестроить в соответствии с современными реалиями.

Следует заметить, что долгосрочная стабильность в Латинской Америке началась с компромиссов, которые объединили экономические интересы элит. Как только консерваторы приняли новые правила игры, милитаризм и мобилизация населения были заменены мерами контроля, которые обеспечивали безопасность основных отечественных и зарубежных групп интересов. Пожалуй, американским историкам-экономистам следовало подчеркнуть, что смещение к либеральным ценностям вряд ли возможно совершенно без стадии гражданских конфликтов — ведь без этой стадии не возникнет осознания необходимости компромиссов и не будет объединения экономических интересов элит.

Работа Р. Бейтса, Д. Коатсворса и Дж. Уильямсона представляет большой интерес для российских обществоведов — не только историков, но и экономистов. Ведь многие тенденции, описанные на материалах истории Южной Америки и Африки, повторились в советских и постсоветских государствах.

Развитие многих республик СССР очень напоминало процесс колонизации. К моменту возникновения советского государства только территорию современной России и западные рубежи царской империи можно было назвать относительно развитыми в сравнении со странами индустриального центра, и то развитыми только на уровне субпериферии. Азиатские регионы (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан...) по своему развитию не сильно ушли от стран Африки того же периода. Как во времена Российской империи, так и во времена СССР планы развития этих территорий строились во многом по колониальному принципу. Москва сама выбирала и создавала экономическую специализацию для многих подвластных территорий. Если «западные» тер-

ритории были в основном самодостаточными с экономической точки зрения, то экономика «восточных» республик характеризовалась высокой степенью специализации, что создавало проблемный потенциал при дальнейшем обретении независимости. Бывшим республикам СССР крайне не хватало собственного опыта, полученного методом проб и ошибок, поэтому процесс либерализации происходил в 1990-е гг. во многом хаотически. Даже в настоящее время, в 2000-е гг., в них продолжают некоторые процессы, напоминающие экс-колониальные страны времен «потерянных десятилетий». Либеральные лозунги 1990-х гг. не всегда приводили к реальной либерализации экономики. Сохраняется довольно высокий уровень конфликтов в России (борьба с чеченским сепаратизмом), Грузии (проблема сепаратизма Осетии и Абхазии), Украине (затяжное противоборство провосточных и прозападных элит), Молдавии (Приднестровье против Кишинева), даже Эстонии (беспорядки в Таллинне из-за памятника советским воинам). Дополнительным источником конфликтного потенциала, увы, выступает «менталитет метрополии», который сохранился у многих россиян.

Конечно, возрождение советской мир-империи вряд ли повлечет за собой улучшение уровня жизни населения, оно чревато перерастанием дипломатических конфликтов в военное противостояние. Намного эффективнее и безопасней для России стремиться к перестройке остатков советской мир-империи в российскую мир-систему на базе единого экономического пространства бывшего Советского Союза.

Примечания

¹ Collier P., Hoeffler A., Patillo C. Africa's exodus: Capital flight and the brain drain as portfolio decisions. Unpublished, World Bank (Washington D.C.), 2002.

² Gyimah-Brempong K., Corley M. Civil Wars and Economic Growth in Sub-Saharan Africa // Journal of African Economies. 2005. Vol. 14. Issue 2.

³ Collier P., Hoeffler A., Patillo C. Flight capital as a portfolio choice. Unpublished, International Monetary Fund (Washington D.C.), 1999.